

Слава — президенту

Иркутск. — 2002. — 25 сент. — с. 1

Мстислав Ростропович прорвал блокаду российской прессы

Легендарный музыкант и не менее легендарная фигура российской общественной жизни Мстислав Ростропович уже несколько лет не дает интервью отечественным журналистам. Какими бы ни были причины (разрыв с пишущим сословием произошел из-за обиды маэстро на критиков, которые обрушились на всемирно известного музыканта со страниц газет), эту ситуацию нормальной не назовешь. От общения с прессой, а значит, от общения с современниками изолирован человек, находившийся в гуще ключевых событий отечественной истории последних десятилетий. От изгнания Солженицына до обороны Белого дома. Во все учебники войдет фотография Ростроповича «образца» августа 1991-го — на плече музыканта дремлет мо-

лодой защитник демократии... Известно, что Мстислав Леопольдович, скрыв это от домашних, специально прилетел в Москву из Парижа, как только узнал об августовском путче, чтобы помочь своей стране и своему президенту.

И вот — «Известия» совершают прорыв информационной блокады. Накануне официального чествования бывшего главного режиссера Большого театра Бориса Покровского юбиляра пригласил в городской семейный клуб «Монолит» его почетный президент Мстислав Ростропович. Девяностолетие великого режиссера отметили в узком кругу, который уместился за одним небольшим столом. Во время торжества Мстислав Ростропович побеседовал с нашими корреспондентами.

В подарок юбиляру — клavier «Евгения Онегина» 1887 года

Дмитрий СОКОЛОВ-МИТРИЧ

— Мстислав Леопольдович, что лично вас связывает с Борисом Покровским?

— Мы всегда относились друг к другу с огромным уважением. Когда я в 1968 году пришел в Большой театр, первой оперой, которой я дирижировал, была опера «Евгений Онегин», которую ставил Покровский. А затем, в 1972 году, я дирижировал оперой «Война и мир» Прокофьева, которую тоже поставил Покровский. Моя жизнь в опере начиналась с Покровским, и я считаю себя его поклонником. То же можно сказать и о Галине Вишневской — она считает себя его ученицей. Первую партию, которую она пела в Большом театре, она пела в опере «Евгений Онегин», и ее ставил Покровский. Он сразу заметил Вишневскую и сделал ее не просто певицей, а актрисой. Так что мы большие и верные друзья. И не только в искусстве. Расскажу такой слу-

чай. Когда я еще был врагом народа, Борису Александровичу предложили мою кооперативную квартиру, которая во время моего изгнания пустовала. Он сказал: «Занять квартиру живого Ростроповича? Это невозможно».

— А чем вам не понравилось юбилейное торжество в Большом театре?

— Я не считаю это торжеством. Там показали «Князя Игоря», потом был какой-то стоячий коктейль. Я счел это недостойным Покровского. В Большом театре ему должны были посвятить весь вечер. Поэтому я попросил моих друзей в «Монолите» помочь мне исправить это упущение. И я счастлив, что сегодня мы можем в такой интимной компании посидеть с Борисом Александровичем, выпить за его здоровье и говорить ему комплименты.

— А почему так поступили в Большом?

— Это уже стало традицией. Чехарда, которая там происходит, уже давно не соответствует

тому, что мы все думаем о Большом театре. Это укладывается в ряд подобных событий. Когда приходят какие-то режиссеры с улицы и снимают с репертуара шедевры, которые сделали Большому театру имя в мировой культуре. Такие, как «Игрок», «Семен Котко», «Война и мир». Зато почему-то появляются дублирующие постановки «Травиаты», «Аиды». Большой театр меняет свой покров и делает вид, что старый покров ему не нужен. Искать могут многие. Но пока ничего не нашли. А то, что было найдено, теряют. Существует традиция, которая должна передаваться. И те, кто приходит в Большой театр сегодня, обязаны аккумулировать в себе его культуру. Может быть, надо было что-то менять. Но нельзя бросать в урну старые шедевры. Я болею душой за Большой театр, я очень люблю его и поэтому счел своим долгом отметить юбилей Покровского, человека, которому Большой обязан многим, на должном уровне.

Галина Вишневская с юбиляром, о котором в книге «Галина» сказала много хорошего

— А вы с ним на ты или на вы?

— На ты. Он меня на 15 лет старше, но в нашем возрасте это не такое большое отличие.

— Вам приходилось терпеть от разных руководителей этой страны. Каково ваше отношение к нынешнему президенту, которого многие обвиняют в том же, в чем вы могли бы обвинить его предшественников.

— Я люблю его. У меня к этому человеку отношение чрезвычайно положительное. Хотя мы с ним и не встречались. Может быть, при Собчаке когда-то встречались, я уже не помню. То, что он делает и говорит, мне абсолютно ясно. И мне кажется, что он идет по правильному пути. И вся эта ахинея вокруг так называемой свободы слова — это мышиная возня.

Идея свободы слова у нас используется очень скверно. Ее поборники говорят о свободе слова, а сами торгуют правдой и хамят многим, в том числе и президенту. Это элементарное отсутствие культуры. Со свободой слова мы потеряли ответственность за него. Вот когда к нам вернется совесть и ответственность за слово, тогда все встанет на свои места.